

2. В литовском языке ассимиляция по мягкости охватывает, в основном, всю систему твердых — мягких согласных, в то время как в русском языке этот тип ассимиляции имеет ограниченный характер. В связи с этим литовское письмо не нуждается в особом «мягком знаке», подобном русскому *ь*, для обозначения мягкости согласного, стоящего перед другим согласным; ср. лит. *Melnikaitė* [l'n'i], русск. *Мел[а]никайте* — в литовском языке достаточно обозначить мягкость согласного, непосредственно стоящего перед гласным, так как предшествующий согласный всегда подобен последующему.

3. В литовском языке всякий согласный, стоящий в конце слова, является твердым, следовательно, и здесь нет надобности в особом «мягком знаке».

Нет сомнения в том, что и анализ графических систем, поскольку в них нашли свое отражение фонетические процессы языков, является важным моментом в сопоставительном языкознании.

Таковы некоторые из линий сопоставительной фонетики, намечаемые в порядке изучения практики языкового контакта. Вопросы теории сопоставительного анализа языков выдвигаются практикой, их разрешение тоже должно быть практически целесообразным.

И. И. Цукерман

О ПОСОБИЯХ К КУРСУ «ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

1

На страницах журнала «Вопросы языкознания» уже почти два года (1953—1955) обсуждаются вопросы о постановке преподавания в наших вузах общелингвистических дисциплин: «Введение в языкознание», «Общее языкознание» и «История языкознания». Почти все авторитетные специалисты высказались по ряду возникающих при этом больших проблем и множеству частных вопросов.

Если Ф. Ф. Кузьмину и удалось подвести некоторые итоги обсуждения преподавания курса «Введение в языкознание» и до известной степени твердо установить профиль курса как введения в марксистское языкознание¹, то гораздо труднее оказывается вопрос о двух других курсах, в особенности — «Истории языкознания».

Разногласий между авторами статей, напечатанных на эту тему, очень много, причем не только в деталях, но и в очень существенных узловых вопросах. Все трудности, обнаруживающиеся при размежевании названных трех дисциплин общелингвистического характера, объясняются, на наш взгляд, особенностями исторического развития самой лингвистической науки. Общеизвестно, что, например, в древней Греции языкознание, с одной стороны, возникает в виде элементарной грамматики, необходимой в практике общественной и государственной жизни страны для установления общих норм устной и письменной общепародной речи, с другой стороны, там уже в довольно раннюю эпоху появляется и иное, претендующее на научность, направление в языкознании в виде спекулятивно-философских попыток познания и истолкования фактов языка в их отношении к мышлению и к действительности. Можно сказать, что эта философия языка в те отдаленные от нас времена (2500 лет назад) представляла собой зачатки дисциплины, принявшей потом название «Общее языкознание». В своем дальнейшем развитии языкознание неоднократно испытывало «вторжения» философии и логики. Характеризовать их нет надобности, так как они общеизвестны. Кроме того, они и теперь имеют место. Не случайно поэтому и в новейшее время «Общее языкознание» носит часто название «Философия языка»². И не случайно уже в

¹ См. Ф. Ф. Кузьмин, К итогам обсуждения курса «Введение в языкознание», ВЯ, 1954, № 4.

² См., например, A. Dauzat, La philosophie du langage, Paris, 1912; ср. также: его же, La vie du langage, Paris, 1922; A. Marty, Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie, Bd. I, Halle a/S., 1908; E. Cassirer, Philosophie der symbolischen Formen, T. I — Die Sprache, Berlin, 1923; O. Jespersen, Sprogets logik, København, 1913; его же, The philosophy of grammar, New York, 1924. В середине и в конце XIX в. большую роль в развитии общего языкознания играют также физиология и психология. Если физиология является вспомогательной наукой в области фонетики, то в области грамматики и лексикосемантической стороны языка большое значение в объяснении языковых явлений, особенно изменений языка, приобретает психология (см. труды Г. фон Габеленца, Ж. Ван-Гиппекена, О. Дитриха и др.). В своем двухтомном труде «Язык»

первом параграфе программы курса «Общее языкознание» ставится вопрос о коренном отличии общего языкознания от идеалистической философии языка (по объему проблематики, точке зрения и методу).

Программы по истории языкознания пока нет, но из объяснительной записки к программе курса «Общее языкознание» 1952 г. можно понять, что курс «История языкознания» мыслится составителями указанной объяснительной записки как «история развития лингвистических воззрений», или лингвистических учений (стр. 4), или иначе как «обзор исторического развития общелингвистической мысли» (стр. 5). Там же подчеркивается, что «Общее языкознание» ни в коей мере не может претендовать на решение задач курса «История языкознания» вообще и «История отечественного языкознания», в частности. «Общее языкознание», которое должно читаться на IV курсе после «Истории языкознания» (на III курсе), как дисциплина обобщающего и подытоживающего характера должно осветить основные проблемы марксистской науки о языке — специальные методы и структуру языка. Предварительно должны быть охарактеризованы основные идеалистические течения общего языкознания: натурализм, психологизм, психологический социологизм, крайний индивидуализм¹ и подвергнуты основательной принципиальной критике с позиций марксистско-ленинского понимания указанных проблем.

2

С таким разграничением интересующих нас трех общелингвистических дисциплин нельзя не согласиться. Оно, безусловно, вносит ясность в этот вопрос. Но программа по «Истории языкознания» пока не составлена, и не так легко ее составить. Еще труднее написать необходимый учебник, который, очевидно, должен историю лингвистических учений преподнести учащимся не просто как хронологически последовательный обзор этих учений, а раскрыть их историческую связь и их взаимоотношение, показать условия возникновения каждого учения на почве определенной идеологии соответствующей эпохи.

Трудность построения этих дисциплин усугубляется тем обстоятельством, что вообще историческая наука на основе марксизма — завоевание новейшего времени, эпохи после Великого Октября.

Понимание исторического процесса в период зарождения сравнительного языкознания было, конечно, идеалистическим. Но и созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом марксистская, диалектико-материалистическая концепция истории человеческого общества осталась неизвестной лингвистам. Только Ф. Энгельс² и П. Лафарг³ впервые пытались осветить вопросы языкознания на основе марксистской теории. Специалисты же по пидеологическим языкам, по сравнительно-исторической грамматике сознательно или бессознательно обходили эти важные труды.

Неудивительно, что историки языкознания большей частью строили историю своей науки как историю изучения лингвистических фактов, не выходя за пределы явлений, относящихся главным образом к фонетике и морфологии, реже к синтаксису. История науки о языке ни сводилась в сущности к хронологически последовательному обзору результатов исследований какой-либо семьи или группы языков, или состояла из характеристик научно-лингвистической деятельности ряда ученых, внесших более или менее значительный вклад в науку и способствовавших ее прогрессу. Часто такие очерки критико-библиографического характера концентрировались вокруг истории решения важнейших лингвистических проблем, превращаясь в историю лингвистических учений, если эти проблемы имели общее принципиальное значение в науке о языке.

В. Вундт делает попытку раскрыть этнопсихологическую природу языка и языковых явлений (W. Wundt, *Völkerpsychologie*, Bd. I — *Die Sprache*, Leipzig, 1900). Вождь младограмматиков Герман Пауль (H. Paul, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, Halle, 1880, 5-e Aufl. — 1920), провозглашая историзм основой языкознания, все развитие языка толкует психологически.

¹ По этим вопросам А. С. Чикобава еще в 1941 г. опубликовал в «Известиях Ин-та языка, истории и матер. культуры [АН Груз. ССР]», т. X статью «Проблема языка как предмета лингвистики в свете основных задач советского языковедения». В более развернутом виде критика этих течений лингвистики дана А. С. Чикобава в его книге «Общее языкознание», т. II (Тбилиси, 1945) [на груз. яз.]. О структурализме см. его статью «Структурализм как течение современной лингвистики на Западе» («Труды Тбил. гос. ун-та им. Сталина», XXVI б, 1944 [на груз. яз.; резюме — на русск. яз.]).

² См. Ф. Энгельс, Франкский диалект, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.

³ П. Лафарг, Язык и революция, перевод с франц., М.—Л., «Academia», 1930. О его ошибках в понимании развития языка см.: И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 28.

Передко эти два типа построения истории языкознания, скрещиваясь и переплетаясь, сливались в единую лингвистическую теорию, охватывающую целую семью языков или какую-либо из ее основных групп. Такова классическая для своего времени книга Б. Дельбрюка «Введение в изучение индо-германских языков», определяемая автором как очерк истории и методики сравнительного исследования языка. Сравнительное и общее языкознание, таким образом, не разграничивались между собой.

Возникновение истории языкознания можно отнести лишь к концу 60-х — началу 70-х годов XIX в. Не малую роль в создании истории языкознания сыграли работы по истории востоковедения, или ориенталистики, а также классической филологии, по типу которых в немецкой науке создавались затем различные «grundrisse» и «хандбухи» романской, кельтской, германской, славянской, индийской, иранской филологии. Так было за рубежом.

В России дооктябрьского периода положение было в значительной мере аналогичное. Ф. Ф. Фортунатов впервые стал читать в Московском университете курс лекций, который, сначала именуясь «Сравнительным языковедением» (1890—1891 гг.), представлял собой по существу «Введение в языкознание», где излагались не столько вопросы «Сравнительной грамматики», сколько основы «Общего языкознания». В следующем учебном году этот курс уже и назывался «Введением в языковедение». См. приводимую ниже сопоставительную таблицу.

«Сравнительное языковедение» 1890—1891 гг.	Стр.	«Введение в языковедение» 1891—1892 гг.	Стр.
1. Введение	3—10	1. Предмет языковедения . .	3—12
2. Индоевропейская семья языков	10—40	2. Генетологическая классификация языков	12—54
3. Генетологическая классификация языков, по принадлежности к индоевропейской семье	41—56	3. Язык и наречие	54—66
4. Язык и наречие	56—67	4. Общее изложение фактов языка	66—163
5. Общее изложение фактов языка и их истории			
а) слова и их классификация	67—73	1) язык и мышление	
б) простые слова	73—78	2) слова отдельные	
в) словосочетания и предложения	78—100	3) словосочетания и предложения	
г) формы слов	100—122	4) формы слов	
д) морфологическая классификация языков	123—130	5) морфологическая классификация языков	
е) грамматика	131—132		
ж) лексикология (и этимология)	132		
6. Физиология звуков речи	132—159	6) физиология звуков речи	

История языкознания здесь нет. Этот пробел был восполнен В. К. Поржезинским, учеником Ф. Ф. Фортунатова. В книге В. К. Поржезинского «Введение в языкознание», за короткое время выдержавшей 4 издания, во II главе «Важнейшие моменты в истории науки о языке» (стр. 15—50) после беглого обзора попыток изучения языка на более древних этапах излагается краткая история отечественного и зарубежного языкознания от эпохи его зарождения в первой четверти XIX в. до начала XX в. Немало интересного и поучительного по истории языкознания читатель найдет и в других главах книги и ссылки, например, с вопросами классификации языков, особенно генетологической (гл. III и IV), а также и в главах X и XI. Но характерно, что и в книге В. К. Поржезинского, как и у Фортунатова в его лекциях, наряду с вопросами сравнительно-исторического языкознания и сравнительно-исторического изучения индо-

европейских языков, рассматриваются также общелингвистические проблемы, например, происхождение языка, природа языка, взаимоотношения языка и мышления и т. д. Поэтому разбирается и вопрос о взаимоотношении языкознания, логики и психологии, а в разделе «Физиология звуков речи» (см. особенно главу X, стр. 206—214) привлекаются данные анатомо-физиологического характера.

3

В советский период история языкознания, вследствие продолжительного господства марризма, не могла развиваться нормально: Н. Я. Марр отрицательно относился к сравнительно-историческому языкознанию и не признавал значения как отечественной, так и в еще большей степени иностранной науки о языке.

И тем не менее в этот период (1917—1950 гг., до дискуссии по вопросам языкознания) появились в отечественном языкознании произведения, внесшие значительный вклад в науку о языке и, в частности, в историю языкознания, а также переводы ряда работ зарубежных ученых. В области истории отечественного языкознания в первую очередь следует отметить ряд ценных работ В. В. Виноградова: «Современный русский язык. Вып. 1—Введение в грамматическое учение о слове», (М., 1938); Вводная глава к книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (М.—Л., 1947); «Русская наука о русском литературном языке» («Ученые записки МГУ», вып. 106, 1946, стр. 22—147).

Краткий обзор истории русского языкознания дан также в статье С. П. Обнорского «Итоги научного изучения русского языка» («Ученые записки МГУ», вып. 106) и в книге Л. А. Булаховского «Курс русского литературного языка», том II (Исторический комментарий) (4-е изд., Киев, 1953, стр. 40—70, особенно стр. 40—47, 48—52 и 59—70)¹.

Из зарубежной лингвистической литературы специально по истории языкознания следует отметить две книги известных датских лингвистов: Вильгельма Томсена (1842—1927), переведенную на русский язык², и Хольгера Педерсена (Копенгаген, 1924), еще не переведенную³. Эти книги имеют между собой много общего: обе они излагают историю языкознания в XIX в. на Западе, совсем игнорируя русскую науку⁴; в центре внимания авторов стоит сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков, особенно младограмматиками; в этих книгах «Грундрис» К. Бругманна и Б. Дельбрюка представлен как высшее достижение лингвистики итог результатов работы лингвистов в XIX в.

От маленькой книги В. Томсена большая книга Х. Педерсена выгодно отличается введением в изложение большого иллюстративного материала: рукописного, эпиграфического и т. д., анализ которого — дешифровка и филологическая обработка — послужил успешному разрыванию лингвистической науки. Глава VI книги Х. Педерсена (стр. 128—219) специально выделена с этой целью под заглавием: «Надписи и археологические находки. Исследования по истории писем». Жаль, что за пределами книги остались новейшие лингвистические открытия XX в.⁵

Очень сжатый, но весьма содержательный очерк истории изучения индоевропейских языков, четко и ясно написанный А. Мефе, имеется в его книге «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» (русский перевод—М.—Л., 1938).

В заключение укажем еще одно полезное своим материалами по истории языкознания издание — немецкую серию «История индоевропейского языкознания», основан-

¹ Нормативно-описательная грамматика русского языка в разработке русских лингвистов и писателей первой половины XIX в., изложенная в книгах Л. А. Булаховского («Русский литературный язык первой половины XIX века»: т. I — Лексика и общие замечания о слоге, Киев, 1941; т. II — Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, Киев, 1948 и 2-е сокращенное издание в одном томе — М., 1954), дает также материал по истории русской грамматики и лексики в указанный период.

² В. Томсен, История языкознания до конца XIX века, М., 1938.

³ Имеется английский перевод: H. Pedersen, Linguistic science in the nineteenth century, Cambridge, 1931.

⁴ Этот пробел в книге В. Томсена восполняют дополнения в тексте (в квадратных скобках) и в особенности «Послесловие» редактора Р. О. Шор, к сожалению, в значительной мере обесценившее отголосками марризма, восхваляемого ошибочно как марксистское лингвистическое учение.

⁵ Краткие сведения по этому вопросу дает статья П. Кречмера «Язык» (P. Kretschmer, Sprache («Einleitung in die Altertumswissenschaft», Bd. I, Heft 6, Leipzig—Berlin, 1923, стр. 1—84). Новый и более подробный материал содержат многочисленные работы акад. В. Георгиева (Болгария), основные положения которых освещены им в статье «Вопросы родства средиземноморских языков» (ВЯ, 1954, № 4), а также в других статьях, опубликованных автором в том же журнале и в ВДИ, и ряд статей русских ученых (ВЯ и ВДИ).

ную еще К. Бругманом и А. Тумбом. Среди очерков по различным индоевропейским языкам или языковым группам (изданным в 1916—1931 гг.) мы уже находим — и это весьма показательно для данного времени — выпуски, посвященные хеттскому и малоазиатским языкам (автор Н. Фридрих), тохарскому языку (автор Зиг), фракийско-фригийскому и иллирийскому языку (автор Йокль) и этрусскому языку (автор Е. Физель).

4

Зачем автору настоящей статьи понадобилось предложить читателю обзор перечисленных книг по «Истории языкознания»? А вот зачем. В известной автору программе по курсу «Общее языкознание» (МГУ, 1952)¹ указаны только марксистские работы, да и то всего две: И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания и сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина» (1952). Безусловно, твердое усвоение этих книг студентами совершенно необходимо. И объяснительной записке к указанной программе правильно подчеркивается, что «в „Программе“ предусматривается критический, систематический анализ сущности и логического взаимоотношения главнейших идеалистических и вульгарно материалистических пониманий природы языка с позиций материалистической науки о языке» (стр. 4—5). Это полностью относится и к программе по «Истории языкознания», которой еще нет. О ней высказались крупнейшие специалисты, и некоторые из них представили свои проекты этой программы².

Но мало иметь программу, хотя бы самую удачную по содержанию. Не смогут и объяснительные записки, если они ограничиваются теоретическими указаниями. Чтобы осуществить программу, нужно иметь необходимые материалы. Конечно, специалисты, занимавшиеся проблемами истории языкознания, знают, где найти такие материалы. Но ведь часто, в особенности в периферийных вузах, в том числе и в университетах, эти курсы поручаются молодым, неопытным преподавателям, иногда аспирантам.

Если нет учебника по данной дисциплине, необходимо снабдить молодых преподавателей соответствующими материалами; по крайней мере в программах, в объяснительных записках к ним дать соответствующие указания и указать хотя бы избранную, наиболее подходящую литературу (библиографию с краткими аннотациями). Только в этом случае, в особенности при отсутствии учебника, может быть обеспечено преподавание курса «История языкознания» на высоком научно-теоретическом и идейно-политическом уровне.

Наша статья — попытка дать в руки нашей научной молодежи нечто вроде краткого «Введения в источниковедение» для курса «История языкознания». Я желал поделиться своим многолетним опытом преподавания этого курса с товарищами по специальности и новыми кадрами, нашей сменой.

М. И. Пемировский

О КУРСЕ «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК» *

Давно уже назрел вопрос о месте курса «Современный русский литературный язык» в системе филологического образования и в кругу дисциплин русского языковедческого цикла, о содержании этого курса и методах его изложения в университетах и в педагогических институтах, о соотношении лекционного курса со спецкурсами и семинарами по этой же дисциплине.

Задача настоящей статьи — осветить некоторые из перечисленных вопросов применительно главным образом к педагогическим институтам.

¹ Ряд справедливых критических замечаний по «Программе» курса «Общее языкознание» дан в статье А. А. Белецкого «О курсах общего языкознания в государственных университетах» (ВЯ, 1953, № 5).

² См.: А. М. Финкель, О содержании и построении курса «История языкознания», ВЯ, 1954, № 6; Г. С. Ахвеледiani, К вопросу о преподавании курса «История языкознания», ВЯ, 1955, № 2.

* Этим заглавием объединены три статьи о постановке курса «Современный русский литературный язык» — в русских педагогических институтах (Ю. Р. Гепнер) и в национальных педвузах (Н. Я. Лойфман и З. Ф. Барцева; С. М. Бурдин).